

ЖИТИЕ
СВЯТИТЕЛЯ
ТИХОНА

Патриарха Московского

и всея Руси

Житие Святителя Тихона

Святитель Тихон родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии Иоанна Белавина. В миру он носил имя Василий. Детские и юношеские годы его прошли в деревне в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. С юных лет он отличался особой религиозной настроенностью, любовью к Церкви и редкой кротостью и смирением.

Учился он в Псковской Духовной Семинарии в 1878—1883 годах. Скромный семинарист отличался ласковым и привлекательным характером. Он был довольно высокого роста, белокурый. Товарищи любили его. К этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнюю готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в Семинарии сочинений. В этом юный Василий находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье и с постоянной шуткой, хотя наружно и с серьезным видом, целые часы проводил с товарищами, поодиночке или группами внимавшими его объяснениям. Примечательно, что товарищи в Семинарии шутливо называли его «архиереем». В Санкт-Петербургской Духовной Академии, куда поступил он в 19 лет, не принято было давать шутливые прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойного религиозного молодого человека, называли его «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России после 217-летнего перерыва Патриархом, его товарищи по Академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

В детстве, когда Василий был еще малолетним, его отцу было откровение о каждом из его детей. Однажды он с тремя сыновьями спал на сеновале. Ночью вдруг проснулся и разбудил их. «Знаете,— заговорил он,— я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот — Василий будет великим». Поняли старец священник, что его сына будут на всех ектениях по всей России и даже по всему миру поминать *Великим господином*? Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях [1, с. 5—6].

В 1888 году Василий Белавин 23 лет от роду окончил Академию и в светском звании получил назначение в родную Псковскую Духовную Семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей Семинарии, но и города Пскова. Жил он в патриархальном Пскове скромно, в мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви «Николы со Усохи».

Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 26-м году жизни — в 1891 году — принял монашество. На его постриг собрался почти весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа, ибо церковь находилась на втором этаже семинарского здания, поэтому к дню пострига поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Постригаемый сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь,

желая посвятить себя исключительно служению Церкви. Ему, с молодости отличавшемуся кротостью и смирением, было дано имя Тихон в честь святителя Тихона Задонского.

Из Псковской Семинарии иеромонаха Тихона перевели инспектором в Холмскую Духовную Семинарию, где он вскоре стал ее ректором в сане архимандрита. На 34-м году жизни, в 1898 году, архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского с назначением его викарием Холмской епархии.

Епископ Тихон ревностно отдавался работе по устройству нового викариатства, а обаянием своего нравственного облика он приобрел всеобщую любовь не только русского населения, но и литовцев и поляков.

Вместе с тем его честное сердце никогда не выносило какого бы то ни было постороннего вмешательства в церковную жизнь. По обязанности Холмского викария ревизируя привислинские монастыри, он нашел в одном из них отсутствие всякой отчетности и полный произвол игумении, в прошлом графини в распоряжении монастырскими доходами. Преосвященный Тихон заявил об этом своему архиепископу, и игумения должна была поехать с объяснениями в Петербург, в Синод.

14 сентября 1898 года Владыка Тихон был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую американскую епархию в сане епископа Алеутского. С большим волнением уезжал в далекие края молодой епископ вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая горячо любимую мать, оставшуюся в Псковской губернии. Отца его тогда уже не было в живых. Позднее и брат скончался на руках Преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем в далекой Америке. Тело его было перевезено в родной Торопец, где жива была еще старушка мать. С ее кончиной не осталось в живых никого из родственников будущего Патриарха.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, епископ Тихон многое сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей, огромной епархии. На ее территории жили люди разных национальностей: русские, сербы, украинцы и другие славяне, греки, арабы, креолы, индейцы, алеуты и эскимосы. Одни были из православных стран: России, Греции, Сербии, другие из стран Оттоманской или Австро-Венгерской империй; некоторые стали православными благодаря миссионерским усилиям на Североамериканском континенте — Аляске и Алеутских островах. Епископу столь разнообразной паствы необходимо было быть щедрым, гибким и иметь ко всем сердечное расположение [2, с. 11]. 22 мая 1901 года епископ Тихон освятил при закладке камень в фундамент Свято-Николаевского собора. Такая церемония состоялась в Нью-Йорке впервые. Примерно через год, в ноябре 1902 года, сирийские и русские приходы в Нью-Йорке имели уже настоящие дома молитвы: сирийский храм в Бруклине во имя Святителя Николая был освящен 9 ноября 1902 года; 23 ноября был освящен русский храм также во имя Святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца. Строительство храма Пресвятой Троицы в Чикаго заняло меньше года — с апреля 1902 года по март 1903 года.

Одновременно с заботой о строительстве церквей епископ Тихон осуществляет пастырские поездки по своей епархии. Епархиальный журнал «Вестник» тех лет давал ежемесячную хронику его постоянных и трудных визитов на Аляску, на Алеутские острова, в Канаду и в разные части Соединенных Штатов. Каждое пастырское посещение занимало определенное время: нужно было проверить приходские счета, рассмотреть проекты строительства, проверить школьников, встретиться с духовенством, прочитать письма и другие бумаги. Епископ Тихон посещал самые разные общины. Хорошо известно, что в те годы, когда он управлял Североамериканской епархией, с Православной Церковью воссоединилось множество униатов. Многие приходы, возникшие в восточных штатах, состояли из бывших униатов, и епископ нес ответственность за то, чтобы эти общины всегда оставались составной частью Православной Церкви [2, с. 13].

При своих пастырских поездках епископ Тихон пришел к выводу о необходимости реорганизации епархиальной структуры. Первым шагом, предпринятым епископом Тихоном, было прошение к Святейшему Синоду о переименовании епархии. В качестве показателя миссионерских корней епархиальный архиерей назывался епископом Алеутским и Аляскинским, хотя кафедра с 1868 года была в Сан-Франциско. Просьба епископа Тихона состояла в том, чтобы епархия называлась Алеутской и Североамериканской. Святейший Синод счел его доводы состоятельными и в 1900 году принял по ним положительное решение.

О желательности перевода кафедры в Нью-Йорк и создании в епархии викариатства впервые написал епархиальный «Вестник» 14/27 марта 1902 года. В те годы в нем регулярно освещались пастырские -поездки епископа Тихона. Одна из статей кончалась выводом о том, что для решения всех миссионерских проблем нужно перевести кафедру на Восток и создать викариатство на Западе.

В июне 1903 года епископ Тихон отправился в Россию. Там он был вызван на сессию Святейшего Синода. Епископу Тихону было разрешено осуществить некоторые планы и проекты. «Вестник» от 15/28 сентября 1903 года опубликовал письмо епископа Тихона о Североамериканской Семинарии.

12 декабря 1903 года Святейший Синод принял решение о создании Аляскинского викариатства в Североамериканской епархии. Викарным епископом был назначен Преосвященный Иннокентий (Пустынский).

Епископ Тихон возвратился в Нью-Йорк 24 января 1904 года. Его пребывание в России оказалось успешным для возглавляемой им епархии. Новый викарий должен был прибыть через несколько недель. За этот период произошло и другое доброе событие. Святейший Синод сообщил епископу Тихону об удовлетворении его просьбы о возведении архимандрита Рафаила в сан епископа Бруклинского, второго викария. Хиротония состоялась в сирийском храме Святителя Николая в Бруклине 12 марта. Храм был полон верующими до отказа. Архимандрит Рафаил прочитал Символ веры частично на славянском и частично на арабском языках.

Епископ Тихон был возведен в сан архиепископа 19 мая 1905 года.

В документе, написанном архиепископом Тихоном в декабре 1905 года, отражены его пророческие представления о Православной Церкви в Америке,.

В ответах на анкету, разосланную всем епархиальным архиереям Русской Церкви Святейшим Синодом в ходе подготовки к давно ожидаемому Собору Русской Церкви, архиепископ Тихон высказал свои идеи о структуре Православной Миссии в Северной Америке. Он предложил превратить епархию в Экзархат Русской Церкви, но с широкой автономией. Уже тогда он высказывался о возможности рассмотрения вопроса об автокефалии. Сербскую миссию он предложил сделать викариатством с центром в Чикаго. Греческие общины, писал он, должны быть организованы так же, как Сирийская и Сербская, миссии. Он усматривал необходимость автономии и независимости только в вопросах, влияющих на внутреннюю жизнь или структуру каждой национальной епархии или викариатства, и подчеркивал также необходимость согласованных общих решений, выработанных епископами на заседаниях под председательством архиепископа в вопросах, касающихся всех.

Как епископу миссионерской епархии, распростершейся по всему континенту, епархии с многонациональной паствой, Владыке Тихону приходилось думать о создании таких учреждений, которые помогли бы Церкви в Америке стать самостоятельной. Существовала очевидная необходимость в школе.

Условия, в которых совершались пастырские труды в Северной Америке, весьма отличались от условий в России. Большинство служивших в миссии священников прибыли из-за границы, где они и получили свое образование. Такая зависимость от помощи извне была для епархии нежелательной. В 1905—1906 учебном году Миссионерская школа в Миннеаполисе (штат Миннесота) была преобразована в Семинарию. В 1913 году она была переведена в Танальфи (штат Нью-Джерси). В Семинарии было воспитано два поколения священников для Церкви в Америке.

Становящаяся все более самостоятельной Церковь нуждалась также и в монастыре. «Вестник» время от времени уделял внимание этому вопросу. Лидером дискуссий был иеромонах Арсений (Чаузов), которому в июне 1905 года архиепископ Тихон дал благословение на создание монастыря близ Саут-Канаана в Пенсильвании. К моменту перевода архиепископа Тихона в Ярославль Свято-Тихоновский монастырь был уже освящен и насчитывал 5 насельников.

Хроника пастырских поездок архиепископа Тихона показывает, что он возглавлял богослужения, совершавшиеся на нескольких языках. К концу пребывания архиепископа Тихона в Америке в Североамериканской миссии была Сирийская миссия с девятью общинами и Сербская миссия, также с девятью общинами. Многие приходы были многонациональными, и богослужения должны были проводиться на 2—3 языках. Наиболее приемлемым стал английский.

С самого начала своего служения в Америке архиепископ Тихон при малейшей возможности созывал епархиальное духовенство для обсуждения проблем жизни миссии. Одним из первых признаков того, что он желал большего, явилась конференция духовенства в Кливленде (штат Огайо) 2 июня 1905 года.

В январе 1907 года в «Вестнике» появилось объявление о созыве

Собора от имени предсоборного комитета, назначенного архиепископом Тихоном. Собор открылся 6 марта. Делегатов приветствовал архиепископ Тихон, предложивший тему «Как расширить миссию». Было решено начать работу с выработки Устава, который был бы законным и авторитетным в глазах гражданских властей. Собор после некоторого обсуждения выработал название Североамериканской миссии — «Святая Православная Соборная и Апостольская Церковь», отразив таким образом представительство всех национальностей и языков.

На последней сессии Собора рассматривались богослужебные вопросы. Эта дискуссия была вызвана расхождениями в совершении обрядов и служб в разных приходах. Некоторые выступали за единообразие, но Собор согласился с мнением архиепископа Тихона о том, что различия совершенно естественны, поскольку Православие в Америке возникло благодаря выходцам из разных стран, и что священник должен объяснить прихожанам разницу между главным и второстепенным. Если расхождения не затрагивают сути веры, они приемлемы [2, с. 26—27].

В Америке, как и в предыдущих местах службы, архиепископ Тихон снискал себе всеобщую любовь и преданность. Он очень много потрудился на ниве Божией. Паства и пастыри неизменно любили своего архипастыря и глубоко чтили. Американцы избрали архиепископа Тихона почетным гражданином Соединенных Штатов.

В 1907 году он был назначен на Ярославскую кафедру. Одним из первых его распоряжений по епархии было категорическое запрещение духовенству при личных обращениях к архиерею класть вошедшие в обычай земные поклоны. В Ярославле святитель быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и теплую заботу о всех пасомых. Его полюбили как доступного в общении, разумного и ласкового архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях и приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви без всякой пышности, ходил пешком, что в ту пору было необычным делом для русских архиереев. А при посещении церковей вникал во все подробности церковной обстановки, поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, не привыкших к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искренней любовью, поскольку он разговаривал с подчиненными просто, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда и с шуткой, которая еще более располагала виновного устранить замеченную неисправность [1, с. 8].

Владыка Тихон оказывал неизменную поддержку тем церковным кругам, которые боролись за правду и церковную свободу. На этой почве у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он 22 декабря 1913 года был переведен на Литовскую кафедру. Верующие Ярославля приняли сторону архипастыря и выразили ему сочувствие, избрав его почетным гражданином своего города.

После перевода в Вильну он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявлялась его натура,

богатая духом любви к людям. В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было регулировать отношения между местными властями и православными жителями края. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей Церкви в крае, где высоко ценилась пышность во всем. Простой и скромный Владыка не оправдывал требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подходящего церковного великолепия. И там его все уважали. Он часто ездил из Вильны на свою архиерейскую дачу в простой коляске и в дорожной скуфейке, но все, кто его встречал и узнавал: русские, поляки, евреи — низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии» — так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, — перед архиепископом вставали и него приветствовали католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и шляпе.

Здесь, в Вильне, Преосвященного застало в 1914 году объявление войны. Он направлял все свои силы к тому, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, лишившимся по причине войны с немцами своего крова и средств к существованию и толпами шедшим к своему архипастырю. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось и Преосвященному покинуть Вильну, Сначала он поселился в Москве, куда перешли многие виленские учреждения, а потом в местечке Диене, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов, Преосвященный Тихон принимал деятельное участие, посещал и болящих, и страждущих, побывал даже на передовых позициях, под неприятельским обстрелом, за это позднее он был награжден орденом.

Для Преосвященного Владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, Церковь и ее интересы всегда были дороже всего. Он противился любым посягательствам государства на Церковь. Это, конечно, влияло на отношение к нему правительства. Именно поэтому он довольно редко вызывался в столицу для присутствия в Святейшем Синоде. Когда же произошла февральская революция и был сформирован новый Синод, архиепископа Тихона пригласили в число его членов. 21 июня 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его своим правящим архиереем, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны. Вот что писал об этом избрании орган Московской Духовной Академии «Богословский вестник»: «Европейски просвещенный архиепископ Тихон на всех местах своего епископского служения проявил себя независимым деятелем ^высокой честности, твердости и анергии и одновременно человеком большого такта, сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей эмоциональности, которую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить даже и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона» [3].

Москва торжественно и радостно встретила своего избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам, и светским и духовным. Для всех у него находился равный прием и ласковое слово, никому не отказывал он в совете, в помощи, в благословении. Владыка охотно принимал приглашения служить в приходских церквях. Церковные причты начали наперебой приглашать его на служение в престольные праздники, и отказа никому не было. После службы архипастырь охотно заходил и в дома прихожан, к их великой радости. Вся Москва за короткое время узнала своего архиерея и полюбила его.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор, и Тихон, архиепископ Московский, был удостоен сана митрополита, а затем был избран председателем Собора.

Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу взгляды его членов, разного рода течения соборных групп.

Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Церкви на строго канонических началах, и первой большой и важной задачей, остро вставшей перед Собором, был вопрос о Патриаршестве.

«Почему необходимо восстановить Патриаршество? — спрашивая Собор в своей исчерпывающей, блестящей речи архимандрит, позднее архиепископ Иларион.— Потому что Патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви». Церковное законодательство в лице апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: «Епископам всякого народа — в том числе и русского, разумеется, подобает знать первого из них и признавать его, как Главу... Вся Вселенская Христова Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первоиерарха».

На Соборе все тревожились о судьбе московских святынь, подвергавшихся обстрелу во время революционных событий. И вот первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, митрополит Тихон во главе небольшой группы членов Собора. С каким волнением выслушивал Собор живой доклад митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников митрополита вернулись с полпути и рассказали о том, что они видели, но все свидетельствовали, что митрополит шел совершенно спокойно и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна [1, с. 11].

Приступили к выборам Патриарха. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство архиепископам Харьковскому Антонию и Новгородскому Арсению, и лишь на третьем определился митрополит Московский Тихон. Итак, свободным голосованием членов Собора на Патриарший престол были избраны три кандидата. «Самый умный из русских архиереев — архиепископ Антоний, самый строгий — архиепископ Арсений и самый добрый — митрополит Тихон» — так выразился один из членов Собора.

Перед Владимирской иконой Божией Матери, принесенной из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна 5 ноября схииеромонах Зосимовой пустыни Алексей, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именем кандидата, и митрополит Киевский Владимир провозгласил имя избранника — митрополита Тихона. С каким смирением, с сознанием важности выпавшего жребия и с полным достоинством принял Преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом — его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора во главе с высшим духовенством явилась в церковь Троицкого подворья в Москве для «благовестил» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного Патриарха, Преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал краткий молебен.

После молебна митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный митрополит Тихон, Священный и великий Собор призывает твою святыню на Патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России», на что митрополит Тихон отвечал: «Понеже Священный и великий Собор судил меня, недостойного, быти в таком служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю». Вслед за возглашенным ему Многолетием митрополит Тихон обратился к соборному посольству с кратким словом.

«Возлюбленные о Христе отцы и братие! Сейчас я изрек по чиноположению слова: «Благодарю, и приемлю, и нимало вопреки глаголю». Конечно, безмерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне милость Божию. Велика благодарность и к членам Священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на Патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу многое глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: *Плач, и стон, и горе*, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (ом.: Иез. 2,10; 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа — Моисею, и мне придется говорить ко Господу: *Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очам. Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка... Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня* (Числ. 11, 11—14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквах Российских и предстоит умирание за них, во вся дни. А к сим кто доволен, даже и из крепких мене! Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человеков, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всеильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и соделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистой Богородицы. Дважды Она, пришествием. Своя честная иконы Владимирский, в храме Христа Спасителя присутствует при моем

избрании; в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ея образа. И я как бы становлюсь под честным Ея омофором. Да прострет же Она, Многомощная, и мне, слабому, руку Своя помощи, и да избавит и град сей, и всю страну Российскую от всякия нужды и печали» [1, с. 12].

Время перед торжественным возведением на Патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой Лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно вырабатывала давно забытый на Руси порядок поставления Патриархов. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских Патриархов, жезл Митрополита Петра, митру, мантию и белый куколь Патриарха Никона.

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября 1917 года. Гудели колокола Ивана Великого, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей. За литургией два первенствующих митрополита при пении *аксиос* трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в подобающие его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, Митрополита Московского, Святейший Патриарх ответил исполненной глубины прозрения речью:

«Устроением Промышления Божия, мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистыя Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе (Отроковицу) в самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место, после того как оно свыше 200 лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог предзрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: «Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной». А по отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как многого для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, и я мал бех в братии моей, а братии мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвел и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного,— даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архиерейское служение есть по преимуществу служение любви. *Горохищное обрет овца*, архиерейский подъемлет е на рамена своя. Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные

дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих — слышится тихое веяние словес Твоих. Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным Ваалом и не изменили Богу истинному (3 Цар. 19, 14; 18). И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклятие, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения. С ним потерявшуюся — отыщи, угнанную — возврати, пораженную — перевяжи, больную — укрепи, разжиревшую и буйную — истреби, Паси их по правде». В сем да поможет мне. Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь» [1, с. 13—14].

После литургии Патриарх, по древнему обычаю, с крестным ходом обошел вокруг Кремля, окропляя его святой водой.

Рука Божия в деле возглавления Русской Церкви именно Святейшим Тихоном в качестве Патриарха не могла быть не усмотрена тогда же. Архиепископ Харьковский Антоний от лица всех епископов сказал новоизбранному: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищами Вашими по Академии. Подобно тому как полтора года тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, то есть Вашего Небесного покровителя — Тихона Задонского, так и Ваши собственные товарищи по Академии прозвали Вас Патриархом, когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за Ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение» [1, с. 14—15].

* * *

Патриарх Тихон не изменился, остался таким же доступным, простым, ласковым человеком, когда стал во главе русских иерархов. Но мягкость; в оби рашении Святейшего Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, где было нужно, особенно в защите Церкви от ее врагов.

Истинная добродетель всегда скрыта, и видят ее лишь люди чуткие. Многих великих святых их современники не замечали.

Святейший Патриарх Тихон для православных людей не только носитель высшей церковной власти. Он дорог им и как человек, достигший высокой степени совершенства, как благодатный носитель Духа Божия, дающего слово мудрости и рассуждения.

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Святейший Тихон воистину благодатная личность, живший для Бога и Богом просветленный.

«Не напрасно носил он титул Святейшего. Это была действительно Святость, величавая в своей простоте и простая в своем исключительном величии»,— отзывалось о Патриархе русское духовенство. «От Святейшего уходишь Духовно умытым»,— говорили посещавшие его. Вот почему улыбка Патриарха, светлая и ласковая, так была памятна всем, его знавшим. Вот почему он так притягивал сердца всех обаянием своей личности, пред которой преклонялись подчас и люди неверующие, называя его «религиозным, благородным», действительно большим человеком.

Великая любовь ко Христу, к Его Церкви и к людям проходила светлой полосой через всю жизнь и деятельность Святейшего Патриарха Тихона. «Он был олицетворением кротости, доброты и сердечности»,— кратко и верно охарактеризовал Святейшего епископ Августин (Беляев). «Он любил вас всей силой своей великой души. Он душу полагал за вас...»,— говорил другой архиерей бесчисленным тысячам православного русского народа, собравшимся ко гробу своего дорогого Первосвятителя. «В обращении с людьми Святейший был безгранично ласков, приветлив, сострадатель. Для молодых он был отцом, для взрослых — мудрым наставником и руководителем и для всех вообще — другом»,— трогательно отзывался о нем митрополит Петр.

«Молитвенник народный, старец всея Руси»,— называли Патриарха пасомые. «Особенное впечатление на меня производила доброта Святейшего Тихонами я всегда видел от него только ласку, внимание и любовь»,— вспоминал с глазами полными слез один из сподвижников Патриарха. Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой помощи всем неимущим и обездоленным.

Редкую заботу Святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. «Подите к Патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то что ему, Патриарху; в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно»,— свидетельствовал даже один из зачинщиков церковной смуты.

Все соприкасавшиеся со Святейшим Тихоном поражались его удивительной доступностью, простотой и скромностью. Многие нечуткие или недалёковидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в нем «просто симпатичного человека», а между тем здесь-то и проявляется истинная святость. Широкую доступность Святейшего несколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открыты, как открыто было каждому его сердце — ласковое, отзывчивое, любвеобильное. Будучи необыкновенно простым и скромным как в личной жизни, так и в своем первосвятительском служении, Святейший Патриарх не терпел и не делал ничего внешнего, показного. Он являл собой пример великого благородства. Безропотно нес он свой тяжелый крест. Он никогда не пытался выделить себя, не старался каким-либо образом непременно настоять на своем, исполнить во что бы то ни стало свою волю. Он был полон неподдельного, глубокого смирения и всецело отдавал себя в волю Божию, благую и совершенную. Он стремился ее одну искать и исполнять, что неизбежно заставляло его отказываться от своей человеческой воли. В последнем случае он мог давать повод своим врагам обвинять его в «безволии» Но он смотрел на жизнь не по-мирскому, а по разуму Божию, проявляя здесь свою истинную мудрость.

Это и отличало его всегда как человека и архиерея. Этим он производил впечатление такой души, в которой живет и действует Христос. И свою паству звал к тому же Святейший Тихон. Одно из своих патриарших воззваний он закончил словами: «Господь да умудрит каждого из нас искать не своего, но правды Божией и блага Святой Церкви!»

Огромные задачи стали перед Святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, необозримая по территории Русская Православная Церковь со всеми ее духовными и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности он всегда, по завету Христа, Божье отдавал только Богу.

Неизмеримо тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всевозможными «живоцерковниками», «обновленцами», «автокефалистами». «Тяжелое время переживает наша Церковь», — писал в июле 1923 года Святейший.

Сам же Святейший Тихон был настолько скромнен и чужд внешнего блеска, что очень многие при его избрании Патриархом сомневались, справится ли он со своими великими задачами. Но теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, можно справедливо сказать о Святейшем: все, что мог, Он уже совершил, всецело оправдав те надежды, какие возложила на него Церковь!

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любвеобильным отношением к людям Святейший Патриарх умел всех примирить, успокоить. Умел победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри и вне ее. Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом он собрал воедино распыленные и обескровленные церковные силы. В период церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указывающим путь к истине Православия. Своими посланиями он звал, народ к исполнению заповедей Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех. Нельзя без волнения читать призыв к покаянию Патриарха, обращенный им к народу пред Успенским постом.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета... Где же причина?... Вопросите вашу православную совесть... Грех... — вот корень... болезни... Грех растлил нашу землю... Грех, тяжкий нераскаянный грех вызвал сатану из бездны... О, кто даст очам нашим источники слез?! Где ты, некогда могучий и державный русский народ?... Неужели ты не возродишься духовно?... Неужели Господь навсегда закрыл для тебя, источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посесть тебя, как бесплодную смоковницу? О, да не будет сего! Плачьте же, дорогие братья и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества, пока оно не погибло до конца. Плачьте о самих себе и о тех, кто, по ожесточению сердца, не имеет благодати слез» [1, с. 56].

Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы для поддержания в народе религиозного чувства, и Патриарх неизменно в них участвовал. А когда была получена весть об убийстве царской семьи, то Патриарх на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную

литургию, сказав грозную, обличительную речь, в которой говорил, что, как бы ни судить политику государя, его убийство, после того как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем не оправданным преступлением. «Недостаточно только думать это,— добавил Патриарх,— не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам» [1, с. 17].

Часто выезжал Патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже — в Ярославль и в Петроград. В Богородске рабочие устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле сами комиссары принимали участие во встрече, обедали с Патриархом, снимались с ним. О поездках Патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Железнодорожные рабочие настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почуял в Патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой.

В многострадальной жизни Святейшего Патриарха пребывание его в Петрограде, может быть, было самым радостным событием. Поездка эта состоялась в конце мая 1918 года. В Москву от Петроградской епархии поехал за ним настоятель Казанского собора протоиерей Философ Орнатский, который принял потом мученическую кончину. Навстречу Патриарху на границу епархии выехал викарный епископ Лужский Артемий, а на вокзале ожидало многочисленное духовенство во главе с митрополитом Вениамином, также впоследствии отдавшим жизнь свою во славу Церкви Христовой. От вокзала до Александро-Невской Лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и депутации от приходов. С 6 часов утра начал собираться народ и к приходу поезда переполнил всю Знаменскую площадь, Лиговку и все прилегающие улицы. Звон Колоколов церквей Петрограда возвещал моменты переезда границы губерний, приближения к городу и выход Патриарха из вокзала.

Нельзя описать волнения толпы, когда показался экипаж, в котором Патриарх был вместе с митрополитом Вениамином. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени. Патриарх, благословляя всех, стоял в коляске до самой Лавры. Здесь его ожидали викарии епархии Преосвященные епископы Нарвский Геннадий, Ямбургский Анастасий и Ладожский Мелхиседек, около 200 священников и более 60 диаконов в облачениях. После молебна в переполненном соборе Патриарх обратился с речью о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания Патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Святейший жил в Троице-Сергиевском подворье на Фонтанке. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и в Лаврском. В Исаакиевском соборе при встрече Патриарха пел хор из 60 диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить

из-за отсутствия средств. Сослужили Патриарху митрополит, три викария, 18 протоиереев и 10 протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после литургии был совершен крестный ход. Вся Казанская площадь, Невский проспект и Екатерининский канал представляли собой море голов, среди которого терялась тонкая золотая лента духовенства. В этот день были именины отца Философа Орнатского и Патриарх прямо из собора пошел к нему. Толпа не расходилась до 4 часов, и Святейший много раз выходил в сопровождении именинника на балкон, чтобы благословить всех. На последней торжественной службе в Лавре был хиротонисан во епископа Охтенского единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую смерть. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении Патриарх Тихон соблюдал ту же простоту, какой он отличался в частной жизни: не было у него грубости по отношению к служащим, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно было сделать какое-либо распоряжение, они отдавались тихо и вежливо, а замечания делались исключительно после службы и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходилось делать: служащие проникались тихим молитвенным настроением Патриарха. Торжественное его служение со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы всегда совершались чинно, с особым религиозным подъемом.

Жил Патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевой Лавры, «у Троицы на Самотеке». Этот скромный, хотя и просторный дом имел Крестовую церковь, где монахи Сергиевой Лавры ежедневно совершали положенное по Уставу богослужение. Рядом с алтарем помещалась небольшая молельня, уставленная иконами; в ней Патриарх и молился во время богослужения, когда не служил сам. Но служить он любил, особенно в своей Крестовой церкви. Дом был окружен небольшим садиком, где Патриарх любил гулять, насколько позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители, с которыми лилась приятная, душевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взбирались иногда на высокий забор, и тогда Патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами.

Стол Патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде Преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи да кашу.

Начались трудные времена для Церкви: отбиралось церковное имущество, имели место преследования, и массовое истребление духовенства. Со всех концов России приходили к Патриарху известия об этом [1, с. 21].

Для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви Патриарх принял меры к ограждению священнослужителей от чисто политических выступлений. 25 сентября 1919 года, уже в разгар гражданской войны, он издал Послание с требованием к духовенству не вступать в политическую борьбу.

Отсутствие враждебности к существующей государственной власти и призыв к гражданской лояльности стали свойственны посланиям Патриарха задолго до того, как стало ясно, что большевики победят в гражданской войне. Осенью 1919 года, 30 сентября, белые войска взяли Орел. Многие уже ждали их прихода в Москву. В это время исход борьбы было трудно предугадать. Но именно тогда появилось воззвание Патриарха Тихона, обращенное к русскому духовенству. Вот его слова: «Памятуйте же, архипастыри и отцы, и канонические правила, и заветы святых апостолов: «блюдите себя от творящих распри и раздоры». Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь вашему человеческому начальству в делах внешних (1 Пет. 2, 13—14), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность Советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должны повиноваться более, чем людям (Деян. 4, 19; Гал. 1, 10)». Таким образом, Патриарх Тихон в этот решающий момент войны выразил верность принципу невмешательства Церкви в политическую борьбу при сохранении своей внутренней свободы.

Патриарх искренне и прежде всего сам отрекся от всякой политики. Когда отъезжающий в добровольческую армию просил тайного благословения вождям белого движения, Патриарх твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику [1, с. 22].

На основании циркуляра Народного Комиссариата юстиции от 25 августа 1920 года власти на местах «проводили полную ликвидацию мощей». Такие действия еще ранее в обращении Святейшего Патриарха в Совнарком были квалифицированы как нарушение Декрета об отделении Церкви от государства.

Летом 1921 года разразился голод в Поволжье. В августе Патриарх Тихон обратился с Посланием о помощи голодающим, направленным ко всем русским людям и народам Вселенной, и благословил добровольное пожертвование церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, рекомендуя контроле над их использованием. Однако позднее, по постановлению ВЦИК от 23 февраля 1922 года, изъятию подлежали все драгоценные предметы [4, с. 5]. Таким образом, речь шла об изъятии предметов, имеющих сакральный характер в Православной Церкви, что по церковным канонам всегда рассматривалось как святотатство (73-е апостольское правило). Естественно, Патриарх не мог одобрить такого полного изъятия, тем более что у многих возникли сомнения в том, что все ценности пойдут на борьбу с голодом [5, с. 16—21]. На местах насильственное изъятие вызвало повсеместное народное возмущение. По России прошло до двух тысяч процессов и расстреляно было более десяти тысяч верующих. В связи с этим делом об изъятии ценностей был расстрелян и митрополит Петроградский Вениамин. Послание Патриарха расценивалось как саботаж, в связи с чем он находился в заключении с апреля 1922 года по июнь 1923 года.

По делу над группой московских священников об изъятии церковных ценностей самого Патриарха неоднократно вызывали на суд в качестве главного свидетеля.

Как вспоминает очевидец допроса Патриарха и поведения обвиняемых и слушателей: «Когда в дверях зала показалась величавая фигура в черном облачении, сопровождаемая двумя конвойными, все невольно встали... Все головы низко склонились в глубоком почтительном поклоне. Святейший Патриарх спокойно-величаво осенил крестом подсудимых и, повернувшись к судьям, прямой, величественно-строгий, опершись на посох, стал ждать допроса.

«Вы приказывали читать всенародно Ваше воззвание, призывая народ к неповиновению властям?» — спросил председатель.

Спокойно отвечал Патриарх: «Власти хорошо знают, что в моем возвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни, и во имя сохранения их пробить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость и, оказывая тем помощь голодным братьям, сохранить у себя свои святыни».

«А вот этот призыв будет стоить жизни вашим покорным рабам», — и председатель указал на скамьи подсудимых.

Благостно-любящим взором окинул старец служителей алтаря и ясно и твердо сказал: «Я всегда говорил и продолжаю говорить как следственной власти, так и всему народу, что во всем виноват я один, а это лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления ей Богом посланного Главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова», — тут голос Патриарха возвысился, стал слышен во всех углах громадного зала» и сам он как будто вырос, когда, обращаясь к подсудимым, поднял руку и благословил их, громко, отчетливо произнося: «Благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него». Подсудимые опустили на колени... Допрос Патриарха был окончен... Заседание в этот вечер более не продолжалось...»

Благодатная сила благословения Святейшего видна из последующих событий.

«На рассвете 25 апреля 1922 года был вынесен приговор: 18 человек — к расстрелу, остальные — к различным срокам каторги. На предложение председателя просить высшую власть о помиловании было отвечено горячей речью протоиерея Заозерского и отказом от лица всех приговоренных... Только вздох пронесся по залу при объявлении приговора. Ни стопа... ни плача... Приносилась великая искупительная жертва за грехи русского народа, и безмолвно разошелся народ. Было уже светло, солнце всходило, когда раскрылись тяжелые двери суда и приговоренные «смертники», окруженные лесом штыков, показались на площади... Шли с непокрытыми головами, со скрещенными на груди руками, со взором, поднятым высоко к небу, туда, где ждет их Благостный Искупитель мира, где все прощено, все забыто, где нет ни страдания, ни зла... И громко-ликующе лилась их песнь: *Христос воскрес из мертвых...*» [1, с. 74—75].

На долю Патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время ее перехода к новой, самостоятельной жизни в условиях нового государственного строя. Этот переход, сопровождавшийся открытым столкновением двух противоположных мировоззрений (религиозного и атеистического), был крайне тяжелым и болезненным. И если бы не умиротворяющие свойства души Святейшего, его кротость, добродушие и мудрость, этот переход, конечно, был бы еще острее.

Патриарх рассказывал, что, находясь в заключении, читал газеты и с каждым днем все более скорбел о том, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки. Кроме того, у него утвердилось понимание, что наконец появился «новый» закон, революционный хаос кончился: что пред ним находится настоящая государственная власть, с которой следует искать возможные пути к нормальным взаимоотношениям. Тем, кто не понимал его поступка и соблазнился им, он говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только бы Церкви была польза...» Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, Патриарх напомнил слова апостола Павла: *Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас* (Флп. 1, 23—24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Но еще за несколько лет до ареста Патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября 1919 года:

«Установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Вот почему, обличая нападки обновленцев «о контрреволюционности» православных, Святейший имел право сказать: «И мы и наша паства верны и Церкви Божией, и родному Православию, и нашему правительству. И только враги Церкви, сеющие смуту и вражду, могут утверждать иное».

Одной из постоянных забот Святейшего Патриарха было выхлопотать для Русской Православной Церкви регистрацию, а вместе с нею и возможность легального существования в пределах СССР. Как писал об этом позднее митрополит Сергей (Страгородский): «Отсутствие регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, хотя мы и не совершаем ничего запрещенного законом Республики, что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений».

Особенно много послужил Русской Православной Церкви Святейший Тихон в мучительную для Церкви пору так называемого «обновленческого раскола». Святейший проявил себя верным служителем и исповедником неповрежденных и неискаженных заветов истинной Православной Церкви. Он был живым олицетворением Православия, что бессознательно подчеркивали даже враги Церкви, называя ее членов «тихоновцами».

Вожди раскола собрали свой «суд», на котором сняли со Святейшего Тихона сан и лишили монашества.

В самом процессе «суда» были нарушены не только канонические, но и общечеловеческие требования, произошло заочное осуждение Святейшего, без

приглашения его на суд, по докладам трех не заслуживающих доверия обвинителей. Обвинения совсем не были подтверждены ни допросом свидетелей, ни рассмотрением документов, не были даже проверены свободным обсуждением членов «суда», несмотря, на то что председателю «суда» было подано более 100 записок с требованием, слова!

Еще будучи арестованным, он в своем Послании от 6 декабря 1922 года призывал «по долгу своего первосвятительского служения всех верных сынов Божиих стать твердо и мужественно за веру Божию и на защиту Святой Церкви». Выход на свободу Святейшего принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление.

Об «обновленцах» Патриарх говорил в двух своих воззваниях.

В первом из них, 28 июня 1923 года, он указывал на всю неканоничность, несостоятельность обновленческого «Собора», на котором, между прочим, из 67 присутствовавших архиереев было только 10—15 % законного посвящения, а все остальные — лжеепископы.

Во втором обращении, 1 июля 1923 года, Патриарх говорил, в частности, о значении «практических мероприятий» обновленцев. «Обновленцы бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, отступая от ее канонов».

Полностью же история, сущность и оценка обновленческого раскола и выводы, обязательные, для всех членов Церкви, изложены Святейшим Патриархом Тихоном в его основном Послании от 15 июля того же года. Это воззвание, прозвучавшее как величественный благовест по всей России, открыло собой полосу покаяния многих обновленцев. Кончается оно призывом Святейшего к отклонившимся от церковного единства: «Умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви!»

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, Святейший Патриарх поручил состоявшему при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главенствующими обновлениями о присоединении их к Православной Церкви.

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния пред Церковью, и ничего они не встречали у Святейшего, кроме безграничной ласки и всепокрывающей, подчас совсем незаслуженной любви. «Он имел особенную широту взглядов, способен был понять каждого и всех простить»,— вспоминал о Святейшем Тихоне митрополит Сергей.

Но это не было уклонением от строго православной линии. Наоборот: «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости Православия»,— твердо и авторитетно сказал Патриарх (из его резолюции о примирении с Красницким на адрес елизаветградского духовенства от 26 июня 1924 года за № 523).

Вот почему 5 апреля 1924 года он издал новое (за № 291) краткое, но содержательное Послание, обличающее тяжкие преступления вождей обновленческого раскола. В этом Послании Святейший Патриарх на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви подверг обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью.

Но разнообразнейшие враги Православной Церкви ненавидели ее Главу,

Святейшего Тихона. Он был истинным избранником Божиим, и на нем оправдались слова Христа, сказанные Им в Нагорной проповеди: *блаженни, есте егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжущие. Мене ради* (Мф. 5, 11).

Мало того — враги Церкви покушались на жизнь Святейшего Патриарха. 26 ноября 1924 года несколько преступников ворвались в комнаты Патриарха и убили первым вышедшего на шум его келейника Я. О. Полозова.

К чести для верующих, истина Православия восторжествовала и Святейший Тихон мог писать Константинопольскому Патриарху: «Весь русский православный народ сказал свое правдивое слово как о нечестивом сборище, дерзко именуящем себя Собором 1923 года, так и о нечестивых вождях «обновленческого» раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и Православным Патриархом».

Русский православный народ глубоко ценил и понимал, кем был Святейший Тихон для Церкви, и горячо любил своего великого духовного отца. Близок русскому сердцу он и потому, что Первосвятитель был истинно русским человеком, воплотившим в себе лучшие стороны своего народа — от внешнего облика до внутренних черт характера.

«Очень многие,— говорил один архиерей,— выражали близость к Патриарху, воспринимая его как благодатного старца. Это знаменательно — близость высокого архипастыря! Нам надо помнить, светильником какого света он является, и быть такими же тихими, кроткими, молитвенными, непосредственными в обращении к Господу, чтобы его любовь к Нему сообщалась и нам и чтобы у нас была близость и к нему и к Богу».

Будучи добрым пастырем, отдавшим всего себя делу Церкви, он к тому же призывал и духовенство. «Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. И Бог мира и любви будет со всеми вами!» (Обращение к архипастырям и пастырям 1919 года).

Он старался поставлять достойных служителей алтаря. Последнему епископу, рукоположенному Святейшим Тихоном, он сказал в своем приветственном слове: «Архиерейство — великая честь, но с ним связаны и великие страдания. Через страдания же — к Небесной Славе!» (23 марта 1925 года по ст. ст.).

В проповеди о Патриархе архиепископ Трифон (Туркестанов) вспоминал, как он, усталый, павший духом, пришел к Святейшему, а тот указал ему на архиерейскую панагию с изображением Богоматери. «Ей оружие прошло душу, но Она не предалась мрачному отчаянию, и мы должны, по Её примеру, терпеливо нести свой жизненный крест» (из проповеди архиепископа Трифона от 25 сентября 1925 года).

«Мы все приходили к тебе при жизни за утешением и назиданием,— говорил позднее другой архиерей,— и всегда встречали у тебя ласку и привет» (из проповеди епископа Августина на Пасху 1925 года).

Святейший Патриарх Тихон жил радостями Церкви и болел, страдая ее скорбями. Он верил в духовное, истинное обновление Русской Церкви. Не мог Патриарх не видеть и многих уродливых явлений в жизни нашего общества: безверия, нравственной распущенности. Это нашло отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них был и горячий протест против грубого материалистического

понимания жизни, и присущее душе Святейшего чувство глубокого смирения, сознание человеческой неправды пред Божественной истиной.

«Ныне нужно дерзновение веры,— писал Патриарх,— беспрестанное ее исповедание. Да возгорится пламя Светоча вдохновения в Церкви Российской, да соберутся силы, расточенные в безвременьи. Пусть верные чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе» (18 декабря 1917 года). «Очистим же сердце наше покаянием и молитвою»,— звал Святейший Патриарх.

Устроение самой церковной жизни Святейший Тихон должен был осуществить в духе постановлений Священного Собора 1917—1918 годов, много работавшего над преобразованием различных сторон церковной жизни. Однако большинство этих реформ не было принято или вследствие преждевременного прекращения деятельности Собора по условиям того времени, или как не привившееся в церковном сознании.

Святейший Тихон на всех ступенях своей жизни и деятельности всегда протягивал народу руку помощи, всегда говорил ему доброе слово, всегда шел ему навстречу в его бедствиях.

И народ это понимал и жалел его искренне и глубоко, получив полное убеждение в его святости. Это мужественная и кротчайшая, исключительная, безукоризненно святая личность. На вопрос одного человека к епископу: «Как вы относитесь к Патриарху?» — он ответил: «Я реально ощутил его святость» [1, с. 35].

В период кровавых междоусобиц, полных ужаса и страданий, которые «не могут не производить гнетущего впечатления на сердце каждого христианина» (Послание 1919 года), он многократно обращался к верующим с церковной кафедры со святыми словами пастырского назидания о прекращении распрей и раздоров. Когда вспыхнул голод в Поволжье, Патриарх организовал Комитет помощи голодающим, его открытие 1 августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя при огромном стечении духовенства и народа. После торжественного молебствия было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к Православной России, и ко всем народам Земли. Комитет, возглавляемый Патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих.

Ни один воскресный или праздничный день не проходил, чтобы Святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывали переполнены. В уездных городах Московской губернии стечение народа было огромное, встреча и проводы Патриарха — очень торжественные. Рабочие везде покидали работу, и все светские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания Патриарха в городах.

После заключения Патриарх проживал не в Троицком подворье, а в Донском монастыре. К нему со всех концов России приезжали разные лица. В его приемной можно было увидеть епископов, священников и мирян: одни — по делам церковным, другие — за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему был свободный, и его келейник лишь спрашивал посетителей о цели прихода. Патриарх помещался в трех комнатах, первая из которых в указанные часы служила приемной. Обстановка патриарших покоев

поражала своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производила сильное впечатление. Святейший находил всегда несколько слов для каждого, даже проходящего только за благословением. Приезжих он подробно расспрашивал о положении Православной Церкви в провинции [1, с. 25].

Московский корреспондент парижской газеты «Энформацион» (№ 219, 1923 год) так описывает свои впечатления о Святейшем и о приеме у него. «Спокойный, умный, ласковый, широко сочувственный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть, пышности, но он действительно чрезвычайно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым...

Густая молчаливая толпа ожидала приема. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение Патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил взад и вперед...

Горожане и крестьяне, люди из народа главным образом,— долгие часы, порою дни — ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик-певчий ввел их к Патриарху Тихону».

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорит та трогательная заботливость, которой был окружен Святейший. Верующие следили, чтобы он ни в чем не нуждался, а после его освобождения, радостного для всех, осыпали цветами своего любимого Первосвятителя.

Многие и многие тысячи людей стекались на дивные службы, к Патриарху, простому и скромному и вместе неотразимо величественному на фоне общего великолепия службы, тянулись взоры и души верующих. Те многочисленные народные толпы, которые теснились к Святейшему, чтобы только его увидеть, простаивали часами в храмах и около них, и в жару, и в мороз, чтобы получить его патриаршее благословение.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивались пределами России. Православные Восточные Патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата и до самой его смерти, как правило, поддерживали с ним, насколько было возможно, самую тесную каноническую связь. Когда обновленцы в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об «устранении» Святейшего всей Восточной Церковью, Патриарх Сербский Димитрий в особой грамоте опроверг это утверждение, а обновленцам ответил советом «прекратить церковную смуту и подчиниться Святейшему Тихону, единственному Главе Российской Православной Церкви».

Крайне больно было переживать все церковные беды любящему, отзывчивому сердцу Патриарха. Внешние и внутренние церковные потрясения, «обновленческий раскол», непрестанные первосвятительские труды и заботы по устройению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, злобная, гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неумная критика со стороны подчас и православной среды подточили его когда-то крепкий организм. Начиная с 1924 года Святейший Патриарх стал настолько сильно недомогать, что в день

Рождества Христова написал свое завещание, в котором, согласно Постановлению Священного Собора от 25 апреля 1918 года, указывал себе преемника по управлению Русской Церковью. (В силу этого распоряжения Святейшего Тихона после его кончины патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Петру.)

Усилившаяся болезнь, сердечная астма, вынудила Святейшего лечь в больницу доктора Бакунина (ул. Остоженка, д. 19). Однако, находясь там, Патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням для служения в храмах. В воскресенье 5 апреля 1925 года, за два дня до своей кончины, Святейший Патриарх, несмотря на болезнь горла, выехал служить литургию в церковь Большого Вознесения на Никитской. Это была его последняя служба, последняя литургия...

Результат долгого богослужения и последующего за ним наставления, сказанного Святейшим Тихоном новопоставленному епископу, не замедлил обнаружиться прежде всего в сильном воспалении горла. Однако Святейший, по-видимому, чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более что приближалась Страстная неделя. Но Господь судил по-иному.

В самый день праздника Благовещения Господь призвал к Себе Первосвятителя Русской Церкви.

В этот день, во вторник 25 марта (7 апреля), в последний день земной жизни, Патриарх принял митрополита Петра и имел с ним продолжительную беседу, после которой, чувствовал себя очень утомленным. Еще за 3 часа до кончины Патриарх Тихон беседовал с навещавшими его лицами, живо интересовался ходом церковных дел, сообщал о предполагаемом своем скором выходе из лечебницы, жалея, что недомогание не позволило ему совершить богослужение в великий праздник Благовещения.

Вечером дежуривший при Патриархе послушник К. Пашкович предложил ему прилечь отдохнуть, так как Святейший страдал бессонницей: «Ночь все равно, Ваше Святейшество, Вы проведете беспокойно». Святейший ответил: «Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная...»

В половине двенадцатого ночи у Святейшего начался сердечный приступ. Больной жаловался на сердце. Была оказана обычная в таких случаях медицинская помощь, но пульс продолжал падать... Медицинские усилия оказались тщетными. Было 11 часов 45 минут вечера. Святейший Патриарх Тихон умирал.

Умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности, славословия, и, крестясь, произнес: *Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...* — в третий раз перекреститься он не успел.

Многострадальная, чистая душа великого Первосвятителя ушла к Господу, Которому она служила всю свою жизнь здесь, на земле.

Молитвенно печальный звон церковей прошел над городом наутро певучей волной.

Горестная весть быстро облетела столицу. В храмах начались богослужения. Верующие останавливались на улицах и передавали друг другу последние вести из Донского монастыря.

На следующий день была совершена во всех московских храмах литургия

Иоанна Златоуста с поминанием почившего святителя.

Знаменательно далее, что Патриарх умер в день памяти праведного Лазаря и вслед за его погребением началась Страстная седмица.

Из патриаршей келлии, куда было сначала доставлено тело почившего, он был торжественно перенесен в сопровождении сонма духовенства во главе с Преосвященным Борисом, епископом Можайским, в Большой собор Донского монастыря и облачен в патриаршее облачение — золотое с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитое золотом и образами. На голову надета драгоценная патриаршая митра. Присутствовавшие архиереи по окончании облачения вложили в руки Святейшего дикирий и трикирий и его руками благословили народ при произнесении диаконом несколько измененные слова молитвы, принятые в богослужении при облачении святителя: «Тако светился свет твой пред человеки, и вси видеша добрая дела твоя и прославиша Отца нашего, Иже есть на небесах», точно сам почивший Патриарх прощался со своей паствой, в последний раз благословляя ее.

Поклонение и прощание с почившим Первосвятителем началось в среду и непрерывно продолжалось день и ночь, не прекращаясь во время всех богослужений.

В продолжение 4 суток осиротевшими архиереями и пастырями Православной Церкви служились панихиды над телом усопшего, и день и ночь непрерывно шел к нему верующий русский народ. После многочасового стояния в огромной очереди вереницей входили в собор люди, съехавшиеся из тех городов России, куда успела дойти весть о кончине.

Входили с болезненно сжимающимися сердцами и с благоговением целовали на прощание в последний раз руку Святейшего Патриарха Тихона.

Проститься с Патриархом пришло около миллиона человек, хотя всех прощавшихся в продолжение каких-нибудь ста часов не мог вместить собор.

В Вербное воскресенье, в Неделю ваий, хоронила Православная Российская Церковь своего Патриарха. Отпевание совершали 63 архиерея, в числе которых были пять митрополитов, во главе с Местоблюстителем Патриаршего престола Высокопреосвященным Петром, митрополитом Крутицким и Коломенским, и около 400 священнослужителей. Колоссальные толпы мало-помалу запрудили собой не только весь огромный монастырский двор, всю территорию монастыря, но и прилегающую громадную площадь и соседние улицы. Отпевание представляло собой нечто небывалое.

Благолепно и неторопливо совершался чин отпевания. После печального напева *вечная память* наступило молчание, точно никто не решался подойти, чтобы поднять гроб Святейшего и нести на место последнего упокоения.

И вдруг среди мертвой тишины раздались дальнейшие слова заупокойной службы, непосредственность и искренность которых дали выход общему чувству. Полились слезы...

Па амвон вышел один из епископов. Он не говорил надгробного слова, он сделал, так сказать, административное распоряжение:

«Сегодня мы погребаем одиннадцатого Патриарха Всероссийского Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом. Ворота закрыты, и в монастырь больше никого не

пускают. Все прилегающие к монастырю площади и улицы запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут Святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах... Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны исполнить это безусловно в память нашего Святейшего Отца и Патриарха. И я знаю, что вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут...» [1, с. 48]. Далее он подчеркнул единение, всегда бывшее между Патриархом и паствой. В заключение он предложил присутствующим пропеть *Осанну*. Песнопение было подхвачено многотысячной толпой.

Лес хоругвий двинулся к выходу. За ним по четыре человека в ряд выходили священники. На открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые был поставлен гроб. Кругом толпился народ, а около самых ступеней — множество фотографов, направивших свои аппараты на носилки.

Из собора показалось шествие. Архиереи несли гроб Святейшего Патриарха. Пение хора сливалось с перезвоном колоколов. При пении *вечной памяти* гроб был поднят, и весь народ подхватил песнопение, как только процессия двинулась...

Народ устроил живую цепь. Не было ни толкотни, ни давки? Согласно воле почившего, перед самым погребением гроб Патриарха был внесен в его келлию, где он столько пережил, столько выстрадал.

Затем процессия двинулась к так называемому теплому храму монастыря, где была приготовлена могила для упокоения. В двери храма вошли архиереи, и двери вслед за внесенным гробом закрылись. Все утихло. В молчании предстоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там проходила лития по усопшему. Но вот раздалось пение *вечной памяти*. Гроб Святейшего Патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой почившего Патриарха.

Вслед за духовенством народ устремился к Большому собору и целовал то место, где прежде стоял гроб усопшего Патриарха.

Могила Святейшего Патриарха Тихона и доныне весьма почитается московскими верующими. К Святейшему Патриарху идут как к молитвеннику и заступнику, ходатаю перед Богом. В храме и теперь постоянно совершаются по нем панихиды.

На ответственный посту Первосвященителя Русской Церкви Святейший Тихон пробыл семь с половиной лет. Трудно представить Русскую Православную Церковь без Патриарха Тихона в эти годы. Так неизмеримо много сделал он и для Церкви, и для укрепления самой веры в тяжелые годы испытаний, выпавших на долю верующих.

Заслуги Святейшего перед Российской Церковью 'неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей: «Он один безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы. Им мы живем, движемся и существуем как православные люди».

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в

бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. «И уже в одном этом,— сказал в надгробном слове при отпевании Патриарха профессор протоиерей В. Н. Страхов,— несомненная и величайшая твоя заслуга».

В смиренности и подвигах Святейшего Патриарха постоянно была видна помощь Божией Матери, которая всегда оберегала и укрепляла его. Известно, что первое служение митрополита Московского Тихона было в Успенском соборе в праздник Успения Пресвятой Богородицы, позднее он был избран Поместным Собором перед образом особо чтимой святыни — иконы Божией Матери Владимирской. Патриаршая интронизация состоялась в Кремле, в Успенском соборе, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, и кончина совершилась также в Богородичный праздник — Благовещение Девы Марии.

Имеется еще одно знамение милости Божией Матери: в больнице, где находился перед кончиной Патриарх Тихон, не было иконы. Он попросил принести икону, не указав, какую именно; его просьбу исполнили и из Зачатьевского монастыря принесли икону Благовещения Пресвятой Богородицы.

Несмотря на всю свою занятость как Первосвященителя Церкви Святейший Патриарх Тихон часто совершал до 23—25 богослужений в месяц. Таким был его благодатный подвиг предстояния Престолу Господню. Его земное предстояние Царю Славы Господу Иисусу Христу за Русскую Церковь и донныне продолжается в предстоянии Небесном.

ЛИТЕРАТУРА

1. С в я т е й ш и й Тихон, Патриарх Московский и всея России. Джорданвиль, 1965.
2. Журнал Свято-Владимирской Духовной Семинарии, 1975, № 1. На англ. яз.
3. Богословский вестник, 1917, июнь.
4. Революция и Церковь, 1922, № 3.
5. Огонек, 1989, № 7.